

АНАСТАСИЯ ЛИТВИНОВА

Экоистка

Анастасия Литвинова

Экоистка

«Издательские решения»

Литвинова А.

Экоистка / А. Литвинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508548-1

Первый экороман, в котором искусно переплетены судьбы героев и тревога за судьбу планеты. Главная героиня книги Кира искренне обеспокоена надвигающимися природными катаклизмами и мечтает быть в авангарде борьбы за экологическую безопасность. Ей предоставляется возможность возглавить PR-отдел международного природоохранного фонда, которым руководит Давид Гринберг, истинный, как она считает, борец за чистоту окружающей среды. Но вскоре она узнает, что Гринберг не тот, за кого себя выдает... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-508548-1

© Литвинова А.

© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	23
Глава IV	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Экоистка

Анастасия Литвинова

Редактор Майра Жанузакова

Корректор Татьяна Величко

Дизайнер обложки Светлана Перевертун

© Анастасия Литвинова, 2019

© Светлана Перевертун, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-8548-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Кира долго готовилась к этому интервью, и все это время у нее было полное ощущение, что после него ее жизнь изменится. Но изменилось только настроение – такого прилива фатализма и бессилия она не испытывала очень давно.

Обычно бывало наоборот: в те редкие дни, когда Кире удавалось добиться у интересного ей человека ключевой темы номера, когда своеобразная охота на личность заканчивалась ее победой, она чувствовала, что день удался, даже если потом не пришлось больше палец о палец ударить, провалявшись весь день с книгой на диване.

Встречи с Давидом Гринбергом она добивалась почти год. Церберы-помощники отсеивали всех, у кого в кармане не было денег на миллионные инвестиции в его проекты. Но иногда по-детски наивное упрямство может сломить даже холодную блондинистую секретарскую стену. Кира не была очень настойчивым человеком, особенно в работе, – ей привычнее развернуться и уйти, даже услышав «нет» в первый раз. Но Гринберг был нужен ей не только по заданию редакции. Ей казалось, он сразу увидит в ней своего соратника, поразится тому, что смазливая журналистка может думать о чем-то более важном, чем деньги, шмотки и СПА.

Главный редактор журнала «Luxury Menu», в котором работала Кира, где-то прочитала, что Давид финансирует исследования по продлению человеческой жизни. Выходец из России, живущий на широкую ногу в Лондоне, быстро разбогатевший, не скрывающий своего состояния – обычно таких недолюбливают, он умудрялся лавировать между интересами различных финансовых групп, дружить со старой английской аристократией и скромными профессорами из российской провинции. Чем не тема: миллионер резвится, занимаясь тем, чем остальные бросили заниматься еще в подростковом возрасте – мечтами о больших открытиях.

– Не наигрался, – так Оксана и сказала. – Не забудь, пусть пришлют фото, где он с Биллом Гейтсом, королевой или с кем-нибудь в этом роде.

– Мадонна в этом роде?

– Нет, это слишком попсово. Хотя... мы же ведем речь о старости... Можно комментарий вернуть, типа «Мадонна готова первой протестировать новое чудо-средство».

– Вот как раз это звучит попсово.

– Ну и что, пусть. Иногда нужно спускаться с небес...

Помимо игр с бессмертием, Гринберг инвестировал миллионы фунтов в научные исследования экологического толка, щедро оплачивая труд лучшим умам планеты, лишь бы те нашли выход из тупика, в который загнало себя человечество. Пока, правда, никто ничего не нашел.

Кире было даже стыдно задавать Гринбергу вопросы, навязанные легким стилем журнала. Ей хотелось спросить о том, что делать людям, каждому человеку, что делать ей – девушке, живущей в большом городе, с хорошей квартирой, зарплатой, машиной, тусующимися друзьями и вечно мающимся сердцем. Она была уверена, что у него есть ответ, и оказалась права.

– Кира, – ответил Гринберг, открыто глядя ей в глаза. И Кира отчетливо прочитала в этом взгляде снисхождение, какое человек испытывает к несмышленным детям. – Ни вы, ни пара миллионов таких же, как вы, не смогут сделать ни-че-го.

– Ну как же ничего! – возмутилась она. – Я понимаю, что это звучит банально, но все же... ограничить потребление, экономить воду, не покупать бутилированную...

– Послушайте... – Наверное, это все-таки было не сочувствие, а банальная усталость. Видно, он уже десятки раз спорил на данную тему. – Не тешьте себя иллюзиями. Людям вообще свойственно создавать себе ложное чувство комфорта, и это нормально. Психологически защитная реакция. И именно это вами руководит, а не здравый смысл.

– Ну тогда объясните мне, почему бесполезно? – Недоумение и разгоряченный тон Киры уже явно выходили за рамки нейтрального делового разговора.

– Потому что, во-первых, таких сознательных, как вы, слишком мало. Попробуйте смотивируйте китайцев, индийцев, африканцев что-то не покупать или думать о том, сколько диоксида выбрасывает их старенький автомобиль. Они выживают, им не до этого. А их, как вы знаете, очень и очень много. Так что совершенствовать старые технологии уже поздно. Нас может спасти только новое, совершенно новое технологическое чудо. Его я и ищу!

– Но их же можно тоже как-то направить...

– Нет, эта задача куда сложнее, чем технологии.

– Черт! – не сдержалась Кира. – А я мучилась из-за того, что не устояла и купила новый айфон, хотя предыдущий, наверное, еще лет пять мог бы исправно работать.

– Я вам больше скажу. Покупайте и восьмой, и девятый, и бог знает сколько еще...

От этого ничего не изменится.

– Вы так легко об этом говорите, с таким непоколебимым оптимизмом, будто вас это никак не касается. – И действительно, глаза ее визави лучились каким-то любопытством. Словно даже после разговора, исполненного фатализма, ему все равно не терпелось заглянуть в будущее.

– А что нам остается делать... плакать? – сказал он и широко улыбнулся.

Не найдя успокоения в его словах, Кира больше не пыталась увести это интервью в нужное ей русло. Формально распрощавшись спустя двадцать минут, она медленно брела по Кингс Роуд, отдаляясь от офиса Гринберга и от своей мечты. Склонность к преувеличению уже рисовала в ее воображении задыхающийся от смога и болезней Лондон, покореженное ураганами и гигантскими волнами лондонское Око и мамаш, вытаскивающих своих детей из грязевых потоков. Ну а пока Кингс Роуд сверкала тысячами заманчивых витрин. До самолета оставалось еще полдня, за которые Кирина сумка успела наполниться подарками и обновками. «По крайней мере, у меня теперь есть оправдание, могу с головой окунуться в беспредельный консьюмеризм. Сам Давид разрешил!» – подумала она горько, но не без удовольствия глядя на нарядные пакеты.

Кира вспомнила, как попала в этот город почти пятнадцать лет назад. Она гуляла по Лондону с группой таких же закомплексованных подростков, каким была и сама, и, вместо того чтобы восхищаться впервые увиденной за границей, испытывала жгучее чувство стыда. Причиной тому был огромный пуховик цвета хаки, в который ее нарядила мама. По Кириному мнению, не было на свете вещи более чужеродной в этом стильном городе и ничто так не уродовало ее тоненькую фигурку, как неказистое творение подпольной китайской фабрики, которое было уместно разве что на Северном полюсе. Тогда Кира придумала какую-то изошренную схему, чтобы поменяться куртками с другой девчонкой из группы. Силой своего прыщавого авторитета она буквально насильно нацепила на подругу свой пуховик и забрала кожаную куртку, которая была холодной, потасканной и ужасно тяжелой. К вечеру у продрогшей Киры болели плечи и спина, но она упрямо носила чужую куртку, ибо так, ей казалось, она в большей степени походила на цивилизованного человека. Вся группа посмеивалась над ней, но это она еще могла вынести. Мнение ближайшего окружения Киру смущало намного меньше, чем мнение лондонцев, хотя они даже и не подозревали о Кирином существовании. Ее каждый раз вводили в ступор беспричинные улыбки и дружелюбное «good morning»¹ незнакомых людей на улицах Ипсвича, где Кира училась. Ответное дружелюбие они в ней тогда не вызывали – только замешательство и чувство полнейшего несоответствия. Поэтому каждая такая поездка была причиной чудовищной ломки. Кира сопротивлялась родителям, как могла.

¹ «доброе утро» (англ.).

Когда она решила поступать на журналистику, отец сразу же поставил на ней крест: «Какой из тебя журналист! Ты поздороваться с людьми нормально не можешь». Во многом выбор профессии был сделан вопреки его словам, чтобы доказать себе и ему, что она лучше и сильнее, чем о ней думают, а вовсе не из большой любви к писанине или общению. Особого таланта Кира в себе никогда не чувствовала, хотя иногда на нее нападало вдохновение. Правда, очень редко.

Спустя десять лет в профессии она наконец-то признала, что журналист из нее вышел весьма посредственный. И чтобы стать этой посредственностью, пришлось проделать над собой дьявольски сложную работу. Она вообще очень любила сражаться сама с собой. Кира преодолевала свою стеснительность с маниакальной упертостью альпиниста, карабкающегося на Эверест. В результате ее занесло в другую крайность: она перестала бояться вообще всего. Вернее, Кира загнала свои страхи очень глубоко, в какие-то неизвестные ей самой уголки души. Она чувствовала, что этот страх жив, что он бродит по лабиринту бессознательного в поисках выхода, но, как только он приближался к поверхности, она намеренно совершала какой-нибудь дерзкий поступок, и страх отступал перед лицом бравады и эйфории. В общем, Кира научилась кое-как уживаться с собой, а благодаря частым поездкам, она везде чувствовала себя как рыба в воде. Мало того, нажила себе перманентную тягу к смене мест, которую называла «зудом путешественника».

Кира села за столик уличного кафе и принялась наблюдать за прохожими и посетителями. Когда-то это было их любимым занятием с Максимом: они выбирали «жертву» – кого-то из посетителей их любимого кафе в одном из московских переулков – и придумывали ей мысли, диалоги, ситуации, исходя из внешнего вида, манеры одеваться и тех значительных мелочей, что создают образ человека. Иногда получались весьма любопытные персонажи. По крайней мере, они всегда могли переключиться на это занятие, если между собой им было не о чем поговорить.

Вот и сейчас Кира решила немного «размяться», чтобы отвлечься от разговора с Давидом. Через два столика от нее сидела пара. Молодой человек запустил руку под стол и медленно поглаживал внутреннюю поверхность бедра своей откровенно несимпатичной, но холерной дамы. «Наверное, только от этого он и может получать удовольствие», – Кира никогда не скупилась на язвительность.

Она набрала номер Макса.

– Хэллоу! Хау ду ю ду?² – сказала она, нарочно выделяя русский акцент.

– Ай'м файн.³ Поспал, поел, на работе. – Любимым занятием Макса было подурочиться, поэтому он сразу же подхватил Кирина тон и заговорил своим привычным голосом слабоумного переростка.

– Помимо нижнего уровня пирамиды Маслоу, какие новости?

– Помимо чего-чего?.. Как интервью?

– Нормально. Я уже закончила. Сажу в кафе, жду рейс. Тут парнишка один девушку неприлично лапает, как ты меня тогда в «Рис и Рыбе». Интересно, она его так же хочет, как я тебя тогда?

– По-любому, меньше.

– Почему?

– Потому что ты одна такая... Вези себя уже быстрее сюда!

– Везу-везу!

«Как все же часто мы ошибаемся в трактовке чужих чувств!» – подумала Кира. Они так давно были вместе, что Кира уже и не помнила того замиранья сердца и холодка по спине от его

² – Привет! Как дела? (англ.)

³ – Я в порядке. (англ.)

прикосновений. Она знала, что Макс ее любит. Его душа не маялась, как Кирина, в вечных сомнениях. Иногда ей казалось, что неколебимая любовь Максима – это дань комфорту: он нашел себе объект для обожания и теперь, успокоенный, живет в уверенности, что так будет всегда. Хорошая черта для мужчины, но стабильностью тоже можно быть сытым по горло... Однако отношений, полных драмы, Кира тоже на дух не переносила – громкие ссоры и слезные примирения утомляли ее, и от них она бежала еще быстрее. «Было бы мне хорошо с Давидом, к примеру? – подумалось ей вдруг. – Вообще-то, пусть другие журналисты не врут, что рассматривают объекты своих „допросов“ только в качестве источника информации». Каждый мужчина, голос которого записал Кирина диктофон, был скрупулезно изучен ею на предмет «пригодности» для романа. Как правило, ее диагноз для каждого из них был неутешительным, но это не умаляло ее испорченности.

Подходил ли Давид хоть для чего-то, помимо разговора?.. Внешне он был похож на составившего мальчика, пропустившего стадию мужчины. Большие светло-голубые, всегда будто удивленные, распахнутые глаза с множеством морщинок вокруг, круглое лицо, узкие губы и очень жесткие кучерявые волосы, немного отдающие рыжим. Была ли эта детскость в сорокапятилетнем бизнесмене обманчива, Кире не удалось узнать даже спустя много времени.

Вялое течение неотфильтрованных мыслей настолько засосало Киру, что, погруженная в них, она, на автомате расплатившись в кафе и доехав на экспрессе до аэропорта, уже шла на посадку в самолет. Разгоряченная парочка из кафе ушла раньше нее. По заинтересованному взгляду мужчины, брошенному через плечо, Кира поняла, что ему, в общем-то, было все равно, кого тискать за коленку.

* * *

Все три с половиной часа полета Кира просидела, прислонившись к иллюминатору лбом и вглядываясь в темноту. Голова гудела так же, как двигатели самолета. Проблемы с Максом, повседневные девичьи заботы, мечты о далеком будущем и планы на ближайшие выходные отступили перед бездной неизвестности. Все дальнейшее существование представлялось Кире сплошной борьбой за выживание. И стоит ли бороться, если будущее – череда лишений и катастроф. Ее чувства были далеки от паники, скорее, какое-то мерзкое ощущение любопытства и фатализма. Вероятно, то же самое испытывают неизлечимо больные люди, которые знают о своем диагнозе. Однако до конца воссоздать страшное будущее в своих фантазиях Кира не могла – воображение приводило ее на какой-нибудь маленький спасительный остров или оазис в горах, где укроются от беды самые подготовленные люди. «Как же оголели мои мозги», – подумала Кира. Любой ее сценарий проходил через катастрофу и заканчивался хэппи-эндом.

Она нарисовала себе уйму душеспасительных сцен. В одной из них Макс в последний момент вытаскивает ее из грязного водоворота или укрывает от снега собственным телом. «Не хватает маленькой болонки или котенка для пушного эффекта...»

Ко всей этой оргии мыслей отчетливо примешивалось чувство вины. За свой образ жизни, за привязанность к комфорту; вина за пластик и воду, вина перед оленями, львами, акулами, пчелами, кошками, норками и песцами, коровами и всем сущим. Не было вины только перед людьми. Вообще-то она любила каждого человека в отдельности, поражалась глубине некоторых личностей и восхищалась ими. Но ненавидела человечество в общем и его необъяснимую коллективную недалечность и жестокость.

«Цивилизация и цивилизованность так иллюзорны, – размышляла Кира, – на самом деле люди остались такими же варварами, как и тысячи лет назад. История ничему не учит, это-то понятно... И знания ничего никому не дают. Весь огромный багаж опыта, великих открытий, литературы, искусства, гуманизма лежит мертвым грузом и ни капельки не приближает ни

одного из нас к идеальному человеку. Мы такое же вероломное стадо – хоть со знаниями, хоть без них...»

К концу полета душевное напряжение стало спадать. Моменты готовности к полному самоотречению и жертвенности часто и как-то естественно сменялись у Киры бесстыдным пофигизмом. Спустя полчаса после рушащих все жизненные устои мыслей она уже присматривала себе новые туфли на весну, представляя, какое впечатление произведет на совершенно ненужных ей людей.

* * *

Кира уже привыкла, что никто не встречает ее в аэропорту. Слишком уж часто она улетавала из Москвы, поэтому радость встреч перестала искриться эмоциями, превратившись лишь в неудобство от пробок и просьб. Но сегодня ее встречала Женя – единственная Кирина подруга, которая вызывала у нее искреннее чувство восхищения. Кира сама не могла понять причину своего обожания, для нее подруга действительно была эталоном гармонии красоты, ума, юмора и доброты. Обычно чужое превосходство вызывает в большинстве женщин почти ощутимую физическую боль и впрыск яда в кровь. Но в случае с Женей Киринога яда не хватило бы, чтобы перекрыть всю боль от ее совершенства. Поэтому Кира просто покорно признала, что Женя слишком прекрасна, чтобы вызывать даже типичное чувство конкуренции. Она всегда удивлялась, как в таком циничном городе может жить настолько чистой души человек. Вернее, жить-то как раз проще, чем не впитать с годами весь смог его алчности, распушенности и пошлости.

Женя была красива какой-то нерусской красотой. Ее отец был дипломатом, поэтому она родилась в Дании и до пяти лет жила там. Женю часто спрашивали, нет ли у нее скандинавских корней, на что она отшучивалась, что всем своим видом доказывает теорию о влиянии места рождения на внешность. Белокурые волосы и ярко-голубые глаза, пухлые, наверное даже чересчур, губы заставляли окружающих подозревать пергидроль, линзы и силикон, хотя общий, достаточно скромный образ давал понять, что все это натуральное и не нуждается в коррекции. В общем, даже этого было бы достаточно, но, видно, природа решила сыграть над мужчинами злую шутку и наградила Женю высоким ростом, статью и покатыми бедрами. Лицо у нее было тонким, вытянутым, без типичной русской тяжеловесности и пухлых щек. Бархатистый певучий голос. И тут природа решила подшутить не только над мужчинами, но и над самой обладательницей всей этой роскоши и подмешала ей щедрую долю цепкого ума. Похоже, зря. Потому что лучше бы она тупо принимала захватнические набеги мужчин на свое тело, чем постоянно на эту тему рефлексировала. Женя окончила МГИМО, где действительно училась, а не строила глазки преподавателям, а позже сделала неплохую карьеру в международном консалтинге. Если бы она, как большинство одаренных природой девиц, бесстыдно пользовалась своей внешностью, темпы ее карьеры, вероятно, утроились бы. Но Женя, помимо всего прочего, была старомодна, за что Кира называла ее «последним из могикиан».

Старомодность Жени проявлялась во всем: от одежды до убеждения в том, что девушка должна уходить из семьи и начинать совместный быт с женщиной только после свадьбы. Она слушала классическую музыку, не ходила в клубы, не носила шпильки, чем вызывала у людей полное недоумение. Ее побаивались. Кира тоже, правда, побаивалась не на расстоянии, а в числе особо приближенных. Если бы Женя узнала, в каких дозах Кира иногда вливали в себя по пятницам виски, сколько у нее было «на один раз» и что она нет-нет да и покуривала травку... Кире хотелось быть для подруги лучше, чем есть, поэтому она, с одной стороны, была с ней предельно искренна, а с другой – строго дозировала информацию о себе.

– Ты меня удивляешь, – сказала Кира, просияв и чмокнув подругу в щеку. – Сидела бы дома со своим Персиком. Я представляю, сколько нервов тебе стоило пробиться через поток железяк на колесах, в которых заперты матерящиеся нервные ублюдки.

– Ублюдки, конечно, были, но все окупилось – мы встретились!

Кира засияла:

– Мы могли бы встретиться и завтра и от радости съесть огромный тирамису.

– Слушай, ну ладно тебе. Мне просто нечего было делать. Ехать от меня всего-то полчаса.

Почему бы не сделать тебе приятное и не пообщаться.

– Ну, тогда давай срочно общаться! Рассказывай, кто там на горизонте активировался?

Речь ведь об этом?

– Ха-ха, все-то ты знаешь!

– Ну не про работу же ты приехала рассказывать, – сгримасничала Кира.

Дальше последовали типичные девичьи подробности: «а он сказал, а я сказала, а он не взял трубку, а потом сказал – сказала – сказал – обиделась». Имя, внешность и все детали жизни собеседника были не так уж и важны, поскольку все у Жени всегда заканчивалось одним и тем же – разочарованием. Но она философски спокойно к этому относилась, не впадала в уныние и верила в лучшее.

– Как съездила?

Кира рассказала о своем дерьмовом самочувствии после разговора с Давидом:

– Знаешь, такое двоякое ощущение. С одной стороны – жажда деятельности. Хочется бить в набат, трубить на весь мир, мол, люди, просыпайтесь, опомнитесь! – Кира и в самом деле повысила голос и стала размахивать руками, как глашатай. – Люди, забудьте о своих мещанских прихотях!.. С другой стороны, он сумел меня убедить, что все тщетно. И поскольку все тщетно, – продолжила она, – я расслабилась – превратилась в прожорливую фанатичку шопинга и накупила в «Harrods» кучу всякой всячины.

– Я заметила. По весу твоего чемодана. – Женя покосилась на Киру с шутливым укором. – Девочки, даже самые сознательные в мире, неисправимы.

– Нет! Он тяжелый, потому что там есть кое-что для тебя! Должна же я как-то отблагодарить тебя за то, что ты меня встретила. И, между прочим, отблагодарить следует гораздо дороже, чем заплатить таксисту.

– Кира!

– Да шучу я! Хотя благодарность всегда стоит дороже, чем обычные товарно-денежные отношения.

– Это точно!

В какой-то момент Кира отключилась от разговора. Фары встречных машин расплылись в ее задумчивом оцепенении. Женин сосредоточенный профиль то проваливался в полумрак, то резко освещался по контуру, очерчивая идеально вылепленный лоб, нос, губы и кончики ресниц.

– Знаешь, Гринберг все никак не выходит у меня из головы. Было бы таких людей чуточку больше, мир был бы совсем другим, – сказала Кира, все еще наблюдая за игрой света и тени.

– Знаешь, недавно мой знакомый мне про него тоже рассказывал. Но не очень лестные вещи...

– Да?! Что за знакомый и что за вещи?

– Ну... что он, мягко говоря, непорядочный человек. Я в подробности не вдавалась, ибо не моя это тема.

– Так что за знакомый? – повторила Кира.

– Некий Марк Паклер, может быть, ты про него даже слышала – он уникальный! Из семьи потомственных изобретателей. Сейчас конструирует безэмиссионные двигатели для самолетов. А с Гринбергом они долго работали вместе, вели общий бизнес. Мой клиент, в общем.

– А насколько вы близко знакомы?

Вместо ответа, Женя глянула на Киру так хлестко, будто ужалила.

– Нет-нет, я не это имела в виду! В смысле, если вы хорошо общаетесь, может, я могла бы задать ему несколько вопросов. И вообще, если он настолько интересен, я хочу интервью!

– Хорошо, я с ним поговорю.

Кира опять посмотрела на Женин профиль. У нее было доброе лицо. Иногда, бывает, посмотришь на человека и не поймешь, то ли бежать от него, то ли схватить и не отпускать. Насчет Жени таких сомнений просто не могло быть: такая «обложка» может хранить только драгоценную душу. И все же, пока Женя была поглощена дорогой, Кира продолжала вглядываться в ее черты, стараясь понять, может ли там скрываться что-то еще, помимо идеального воспитания и высокой культуры, может ли там быть двойное дно и в чем же ее неидеальность.

– У тебя есть недостатки?

– Ты именно об этом думаешь и уже двадцать минут подряд таранишь меня взглядом? – засмеялась Женя.

– Вообще-то, да.

– Полно недостатков. Например, я сладкоежка, – скокетничала Женя.

– Да ну тебя! Мне просто интересно, бывают ли у идеальных людей темные стороны.

– Кир, за «идеальную», конечно, спасибо, но я советую не заходить на эту темную сторону. Ни ко мне, ни к кому бы то ни было. Представь, что кто-то найдет ключ к тому, что ты скрываешь от всех, и выпустит этого джинна наружу. Например, если о твоих сокровенных мыслях узнают твои родители, Макс, друзья. Каково тебе будет?

Кира растянула губы в узкую резкую ухмылку.

– Я даже не смогу оправдаться. Повешусь сразу.

– И я. И все. Люди слишком сложно устроены. Мы чаще всего и сами не можем со стопроцентной уверенностью сказать, что из себя представляем. Вот если бы видно было сразу, кто хороший, а кто плохой. Кому можно доверять власть, а кого сразу на эшафот...

– Это было бы слишком скучно. Книг тогда точно не было бы написано ни одной. Пусть лучше мы будем зачитываться Кундерой и жить на планете в перманентном состоянии войны.

– Какая-то ты зануда сегодня. Не пушу тебя больше в Лондон! Он тебе явно не на пользу.

– Неправда. Просто обычно я болтаю только о смешных вещах, а сегодня впервые решила выдать что-то посерьезнее... Паркуйся здесь. Дальше точно не встанем.

Женя начала выделять машинной акробатические этюды, на которые способен только частый гость центра Москвы. Кира уже давно снимала квартиру на Патриарших. Свою в Беляево – побольше, поновее, но не такую «posh»⁴, она сдавала.

– Я не перестаю удивляться твоему мазохизму. Жить в центре добровольно. – Женя скорчила рожицу полнейшего неодобрения. – Это медленное самоубийство. Типа курения или алкоголизма.

– А по мне так наоборот. Офис рядом. Малая Бронная со всеми ее ресторанными благами тоже рядом. Можно прийти на каблуках и не устать. Ну и сама фраза «я живу на Патриарших» производит даже большее впечатление, чем брюлики вместе с «бентли». Хотя... тащить чемодан двум девушкам на четвертый этаж – это точно мазохизм. Ты победила, сдаюсь!

– Где твой Макс?

– А черт его знает, – без всяких эмоций произнесла Кира. – Все тешит себя надеждами, что работает на великое будущее.

* * *

⁴ «шикарную» (англ.).

Кира открыла дверь и включила свет. В квартире стоял затхлый запах, какой бывает или в давно заброшенных помещениях, или в домах старых одиноких людей. Кире почему-то резко стало жалко себя, будто это она сама была чем-то давно заброшенным. К ногам кинулись три кошки, завопившие разноголосым хором. Девушки выпили по бокальчику давно открытой бутылки вина, которую Кира всегда припасала для гостей, но никогда не пила одна. Поэтому вино часто прокисло. Женья на свой страх и риск уехала за рулем.

Кира никогда не оставляла чемодан неразобраным. И в этот раз, хотя часы и пробили полвторого, она принялась рыться в вещах и надолго застыла, сжав в руках подарок для Максима – серебряные запонки, под сапфировое стекло которых можно было вставить любую фотографию или изображение. Она задумалась: подарить их так, как они есть, или вставить свой портрет либо их совместный снимок. Побросав вещи, Кира села к компьютеру и стала искать что-нибудь подходящее. Спустя полчаса обнаружила, что за последние пару лет у них не было ни одной общей фотографии. Вот она на отдыхе, вот он с друзьями на даче. Макс ее, конечно, звал, но разве поедет такая девушка, как она, с такими неподходящими личностями, как они... Вот она опять на отдыхе, а он за рабочим столом, за рулем, возле новогодней елки – тоже один. Она на острове с белым песком и фотошопного цвета водой, в баре, на интервью, на лыжах. Неизменно небрежно шикарная... Папка на рабочем столе компьютера под названием «Life»⁵, как оказалось, говорила об их отношениях намного больше слов.

В голову стали прокрадываться мысли вроде «как хорошо было раньше и как серо сейчас». И что по-настоящему яркими были лишь несколько их первых встреч, а все остальное время оказалось лишь ожиданием их повторения. Кира давно поняла, что в таких размышлениях нет никакого смысла, только потеря времени, и поэтому отогнала их прочь и принялась за статью. Монотонная работа – прослушать кусок текста, набрать, прослушать, перепечатать – ей нравилась, хотя со стороны покажется самым нудным трудом из всех возможных. Для Кирьы же она была чем-то сродни медитации. К тому же так ее не мучила совесть за безделье, ведь она действительно работала. И в то же время ни о чем не думала. Это был один из редких моментов, когда Кира могла остановить рой мыслей, заполняющих ее мозг, словно пчелы улей. После расшифровки интервью она часто приходила к выводу, что интеллектуальный труд – это, в общем-то, противоестественно для человека. Ибо он никогда не делает его счастливым.

В этот раз работа не клеилась. Она постоянно спотыкалась о слова Гринберга. На фразе «...мы всё это заслужили» она отключила диктофон, разделась и легла в постель. Среди ночи в полудреме почувствовала, как Максим шмыгнул под одеяло, обнял, перекинув через ее талию свою тяжелую руку. Сразу стало жарко, неудобно и тяжело дышать, но Кира никогда не убирала его руку. Ночью Кира всегда любила Макса сильнее. Даже если накануне они поссорились и она утром намеревалась продолжать дуться на него. Ночью он просто становился ее родным, гладким, могучим, вкусно пахнущим телом. Как будто обидчик, заключенный в этом теле, на ночь улетал по своим делам.

Кира прижалась к нему изо всех сил и быстро заснула.

⁵ «Жизнь» (англ.).

Глава II

– С приездом, дорогая! – раздалось в трубке.

Звонок разбудил Киру. По яркому свету, пробивающемуся сквозь портьеры, она поняла, что утро, похоже, отнюдь не раннее и оправдываться бесполезно. Звонила редактор. Максима уже не было. Не было ни одного свидетельства его присутствия, даже грязной чашки в раковине. На секунду Кира засомневалась, а приходил ли он вообще...

– Спасибо.

– Ты не собираешься нас сегодня навестить?

– Собираюсь.

– Собирайся быстрее, уже первый час. Я соскучилась.

Быстрее не получилось. Кира собиралась ровно два часа. Отточенные движения, одно за другим, наполняли ее дневное утро. Каждый божий день, в строгой последовательности, с одинаковой затратой времени – в этом ее беспокойное сознание тоже находило своего рода успокоение, поэтому чистить зубы одной и той же пастой, в одной и той же позе с одинаковым выражением лица ей никогда не надоело. Наоборот, если какой-нибудь пустяк мешал ей сохранить последовательность утренних ритуалов, Кира нервничала и суеверно считала, что день с самого начала не задался. Этот пустяк становился для нее огромным форс-мажором.

В этот день все было даже слишком размеренно. Кира знала, что ее ждут в офисе, но также знала, что ее появление особо ничего не изменит, поэтому не торопилась.

Так же почти каждое утро Кира задумывалась на секунду, как ей добираться, но решение всегда было традиционно и предсказуемо – она ехала на метро. Кира была единственной из ее окружения, кто, имея выбор, пользовался общественным транспортом. Во-первых, она не любила даже чуть-чуть выходить из зоны своего покоя, а дорожное движение в будни раскачивало ее психику не хуже американских горок. Во-вторых, она полагала, что так больше соответствует своему «зеленому» имиджу, хотя окончательно избавиться от машины она не могла. Пороки большого города глубоко засели в ее голове. Несмотря на то что, казалось бы, именно она и ее коллеги – работники глянца, отлично знают, как создать стойкую потребность в ненужных вещах, и должны быть лишены свойственных всем остальным слабостей. Кире очень был нужен голубой «джип», но, когда она его получила, быстро потеряла к нему интерес. Машина была ей необходима только ради факта обладания и чтобы иногда эффектно пустить пыль в глаза.

Этим же пылепусканием занималась и вся редакция журнала «Luxury Menu»: офис в модном бизнес-центре, современная скульптура на входе, стойка ресепшн из прозрачного пластика, напоминавшая раскрытый ноутбук, суetyающиеся сотрудники с озадаченными лицами – все это создавало картину пульсирующей жизни, бьющей фонтаном привилегий и денег. Что удивительно, даже большинство самих сотрудников были в этом свято уверены. Они думали, что делают большое важное дело и заставляют мир бизнеса крутиться вокруг них. И только усталые, полные раздражения и отчаяния разговоры, которые редактор вела с Женей наедине, выдавали истинную суть – медленное угасание журнала.

– Как ты съездила? – спросила Оксана, когда Кира вошла в ее светлый, но удивительно захламленный кабинет.

Кроме Кире, в редакции никто не знал, сколько Оксане лет. Ее лицо, конечно, выдавало возраст, но в ней сохранилась одна юношеская черта, которая сбивала всех с толку. Каким-то образом Оксане удалось сберечь девичий блеск в глазах, задор и открытость миру. Морщинки же вокруг глаз она убирала всеми возможными способами, складку меж бровей обезвредила ботоксом – и миру являлся человек без возраста.

– Нормально съездила. Подарочек тебе купила. – Кира достала любимые Оксанины духи от Issey Miake, потрясла ими, словно погремушкой перед младенцем, и, не дав возможности вставить даже пару слов благодарности, продолжила: – Слушай, интервью получилось очень... Ммм... Не совсем то, что хотела ты, но как раз то, что хотела я. Давай опубликуем в таком виде.

– В каком таком? Во-первых, ты мне еще ничего не показала, чтобы я могла хоть что-то ответить.

– Если ты мне сейчас разрешишь отступить от традиционно приторного тона, я и писать буду по-другому.

– Нет, отступать от приторного тона я тебе не разрешу, потому что у нас приторный журнал и горечи туда добавлять нет смысла.

– Ну мама!

– Я тебя просила не называть меня здесь мамой!

– Ну Оксана Григорьевна! – процедила Кира, скорчив наипротивнейшую гримасу. – Можно подумать, никто не знает об этом.

Оксана лишь развела руками, надула щеки и театрально по-французски шлепнула губами «пфф», что, вероятно, означало: знают, не знают, но протокол нужно соблюдать.

– Давай ты не будешь вставлять мне палки в колеса, мам, она же Оксана Григорьевна.

– Неужели тебе нужно объяснять, что такое формат и неформат?

– Не надо мне объяснять. Если я опубликую это в каком-нибудь экоиздании или размещу на каком-нибудь захудалом сайтишке, все пройдет незамеченным. А людям, которым еще не опротивело читать про яхты-часы-самолеты, может, тоже иногда полезно о чем-то задумываться.

– Ладно, не хочу это обсуждать. Хочешь, договорюсь с Костей из «Business&Co», чтобы он взял материал себе? Без гонорара, естественно. – Оксана ехидно улыбнулась. – Но кусок про anti-age⁶ ты все же сделаешь отдельно – для меня. Договорились?

– Договорились!

– Что у тебя с Максом?..

Когда Оксана задавала этот вопрос, у Киры всегда возникало глубокое чувство вины перед матерью. Она ощущала себя маленьким нашкодившим котенком, не оправдавшим ожиданий большого и серьезного взрослого. Впрочем, к этим неприятным чувствам Кира давно привыкла и поэтому спокойно продолжала разговор. Они еще долго болтали о том, о чем обычно судачат близкие подружки.

– А остальные кавалеры?

Об остальных кавалерах разговаривать было куда легче. Все-таки тема отношений с Максом слишком важна и слишком глубоко запрятана, чтобы доставать ее из душевных закровов вот так, между делом.

У Оксаны, несмотря на возраст, тоже было достаточно ухажеров, чем она ужасно гордилась. Но она лишь снисходительно и кокетливо принимала комплименты, в то время как Кира каждый раз бросалась в омут с головой. Мать при этом называла ее «плохой девочкой», давно перестав удивляться, что ее дочь выросла.

Пробыв в офисе от силы часа полтора, Кира вернулась домой. Ее рабочие визиты редко длились дольше, разве что когда она ждала конца рабочего дня, чтобы отправиться с Оксаной на ужин в какой-нибудь «дружественный изданию» ресторан. У Киры было свое официальное рабочее место, которое со временем превратилось, за ее отсутствием, в нечто наподобие редакционного склада ненужных вещей. Новые работники успевали уволиться, так и не узнав ключевого редактора-корреспондента в лицо. Тем не менее, Кира никогда не подводила Оксану. Она долго бездельничала, создавая видимость работы, убивала свою жизнь в интернете, бывало,

⁶ Дословно: антивозраст, против старения (англ.).

целыми днями занималась такой ерундой, что вечером не могла даже сформулировать, что же из этого всего было самым бесполезным.

Несмотря на деспотический и слегка отстраненный характер матери, Кира любила ее беззаветной, безусловной любовью, которая возможна, наверное, только в возрасте лет трех. Поэтому подводить ее она не могла и после очередного трансового бездействия, из которого выбраться труднее, чем мухе из липких паучьих лап, садилась за работу и обычно часам к трем ночи выдавала глубоко ненавидимый ею, но вполне сносный текст.

Словам «роскошный», «люксовый», «изысканный» и прочим она за три года хорошо научилась, но явно перестала получать от них удовольствие и не знала, чем хотела бы заниматься в будущем.

Кира ничем особо не увлекалась. Не любила спорт, считала его чем-то вроде дополнительного наказания для тех, кого природа обидела хорошей фигурой. Музыка ей не далась в детстве. Остальное и перечислять не стоит. Единственное, что ей не давало покоя, – это экология, вымирающие животные всех возможных видов, словом, корчившаяся от боли Земля и ее обитатели. Она жадно глотала любую информацию на эту тему, раскладывала ее по полочкам, пыталась делать выводы, однако, быстро их забывала. Экономила воду, ела, как это модно, органические продукты, старалась использовать меньше пластика и даже уже год не употребляла мясо. Однако от шуб, машин и перелетов отказаться не могла, за что иногда себя ненавидела. Но ненавидела очень тихо, почти незаметно, секундными вспышками, которые не так уж мешали ей жить.

Как-то давно Кира подобрала дворовую кошку, привела ее в божеский вид. И была очень горда собой. Настолько, что подобрала вторую и клятвенно пообещала себе помогать приютским котам, как только получит прибавку к своим доходам. Прибавка состоялась, а вот помощь котам нет. И в этом была она вся – сопереживающая, истязающая себя мыслями о чужой боли, делающая шаги в сторону, как ей казалось, ее долга, но на последующие шаги ее всегда не хватало.

Мать была не против, чтобы Кира работала дома. С одной стороны, ей нужна была полнейшая тишина, чтобы сосредоточиться, но, с другой стороны, если у нее не получалось заполнить эту тишину мыслями, она теряла равновесие, начинала погружаться в трясину своих мечтаний, бегать на кухню, заглядывать в «Фейсбук», листать сайты с фотосессиями, выискивая собственное лицо. Она бежала от своего вордовского файла, зная, что никуда ей не уйти. Так и на этот раз: села за компьютер в полной решимости сотворить шедевр, но иссякла минут через десять сосредоточенного всматривания в монитор. Чашка чая не исправила положения дел. Кира встала, походила по комнате, остановилась у зеркала. «Глаза у меня и вправду умные, но что с того. Разве могут они светиться интеллектом, если интеллект состоит из чужих высказываний и афоризмов, и ни капли своего, рожденного собственной кучкой нейронов?»

Она долго смотрела на свое отражение. Прожив в этой физической оболочке уже почти двадцать шесть лет, она никак не могла к ней привыкнуть. Как будто эти широкие монголоидные скулы, большой рот и небольшие, но всегда словно насмехающиеся глаза были вовсе не ее. Кира всегда мечтала о более мягкой, женственной внешности, пухлых щечках, распахнутых кукольных глазах, волосах, как у Златовласки, а не об этой непослушной копне кудрявых волос с мелкими беспорядочными завитками. Она сознавала, что была красива, и постоянно получала этому подтверждение, но это была не та красота, которая бы ее устраивала. Работа тоже подходила ей не совсем. Любовник был хорош, но с некоторыми поправками. Образ жизни не тот, к которому она стремилась. Ей так хотелось копнуть в глубь себя и понять, откуда берется эта вечная неудовлетворенность. Но она не знала даже, с чего начать.

Однажды, читая книгу Анатолия Тосса, вместо того чтобы насладиться чтением, Кира пришла в ужас от собственной поверхностности. Образы у Тосса были глубокими, живыми, вибрирующими. Он мог описать запах такими нетипичными для этого словами, что Кира начи-

нала чувствовать его в своей комнате. Тосс мог настолько разжечь желание, что она бросалась на Макса, чем вводила его в неопиcуемый восторг. Он даже расстроился, когда Кира дочитала роман. А говорить полчаса о луче света, пробивающемся сквозь окно? Была ли она на это способна?.. «Нет», – отвечала Кира сама себе. Она просто не замечала этих лучей. Жила, словно скользила по тихой морской воде в полный штиль. А если разыгрывались нешуточные волны, пугалась, пыталась разобрать, из чего состоит пена морская и откуда дует ветер, но что происходит внутри морских гребней, как красивы переливы воды во время бури, как многогранен звук надвигающейся стихии – этого всего она просто не замечала, продолжая скользить на своем непотопляемом равнодушном корабле.

Она ненавидела свою неспособность видеть суть и оттенки жизни, считая это чем-то вроде тяжелой инвалидности, и винила во всем свою профессию. Журналистика научила ее быстро выхватывать информацию, выдирать ее у других, как кусок мяса, оборачивать новость в красивую обертку и тут же забывать о ней, приступая к другому куску. Думать короткими предложениями и быстро сворачивать повествование, ибо, как говорила Оксана, «журнал не резиновый». Кира слыла среди своего окружения большой интеллектуалкой, но, как и вся журналистская братия, она знала все и не знала ничего. Возможно, так ее сознание защищалось от перегрузок, но результатом такой самообороны была неспособность «набрать воздуха и нырнуть в глубину»...

За этими размышлениями ее и застал Макс.

– Иди сюда! – сказал он ей с порога, вытянув губы в трубочку.

Она поцеловала его так красиво, как только могла. Каждой мелочью, каждым жестом старалась заткнуть брешь в их взаимопонимании.

– Что делаешь?

– Ничего не делаю. Я думаю.

– Ну... это тоже занятие.

– Я вот думаю: Хемингуэй был отличным, первоклассным журналистом и писал вечные книги. Фицджеральд, Марк Твен... Журналистика не стала препятствием к их писательскому творчеству. Не помешала им видеть и чувствовать больше, чем видят и чувствуют другие.

– Это ты к чему?

– К тому, что у меня ничего не получается!!! – с чрезмерным отчаянием выпалила Кира.

– Уфф... Но ты же прекрасно знаешь, что ты суперпрофи. Классно пишешь. Что еще надо? А из тех, кого ты назвала, я читал только «Старик и море» да «Гэтсби», и то в школе. И, честно говоря, не впечатлен. Они тебе в подметки не годятся!

– Ну Макс, я серьезно.

– А еще – учись принимать комплименты, – сказал он, обнял сзади и начал шарить руками по ее телу. – Кушать есть что?

– Мда, я еще не самый запущенный случай, – процедила она так, чтобы он не услышал, и поплелась на кухню.

Ужин для Киры всегда был поводом еще раз встретиться с человеком, пусть даже с тем, кого она видела каждый день. Для девушки с определенными запросами она была удивительно непритязательна в еде. С одной стороны, ела, вернее, запихивала в себя еду быстро и бездумно и могла очнуться у пустой тарелки, так и не поняв вкус блюда. С другой стороны, ела много и смачно, а благодаря тонкокостной конституции и мальчишечьей фигуре, могла позволить себе все что угодно. Подруги с завистью шутили, что она приходит на ланч не «заморить червячка», а «успокоить дремлющего дракона».

В любом случае встречи за едой были для нее одним из самых любимых развлечений и поводом для болтовни, в то время как Макс, сев за стол, просто исчезал для общества. Наверное, думала Кира, глядя на его отсутствующий взгляд, он на это время жаждет стать невидимым, чтобы никто и ничто не могли его потревожить. Макс традиционно включал телик,

неважно что, лишь бы мелькало. И умудрялся, ни разу не взглянув в тарелку, поглощать все, что на ней лежало. Кира попробовала однажды ради эксперимента есть так же – не глядя. В результате, как только она подносила вилку ко рту, попадала то в нос, то ниже и под конец извозилась, как неумелый младенец. Макс же закидывал в рот еду с меткостью снайпера. В особенно «вкусные» моменты он закрывал глаза и тихо, монотонно мычал. Еда для него была и удовольствием, и успокоением, и отдыхом от всех. От Киры в том числе. Если ей требовался от него какой-то ответ, вопрос приходилось задавать очень громко и резко или повторять несколько раз. Впрочем, она смирилась. Зато очень любила разглядывать его в такие моменты. По крайней мере, он ни разу не заметил ее взгляд на себе и был естественен. Глядя на его мужественное лицо, Кира не без тщеславия признавала, что ей достался по-настоящему красивый мужчина. Типаж у них был одинаковый, они вообще были похожи, поэтому многие принимали их за родственников. Высокие, поджарые, с немного смуглой кожей и карими, почти черными глазами. В последнее время Макс выглядел даже лучше, чем лет пять назад, он действительно красиво вырос.

Через полчаса Макс закончил медитацию над тарелкой, и глаза его затянулись пленкой надвигающегося сна; он мгновенно обмяк, ссутулился, под глазами нарисовались круги. У Киры мелькнула мысль о том, что ее предложение будет воспринято враждебно, но остановиться она уже не могла:

– Давай сходим куда-нибудь. Время только девять.

– Кирюш, я устал. Давай побудем дома.

– О'кей, ты ж тогда не против, если я сама прошвырнусь?

– Я этого не говорил. Я предложил остаться дома вдвоем.

– А я предлагаю пойти куда-нибудь вдвоем. Как быть? Мне не нравится твое предложение, тебе не нравится мое, соответственно, каждый занимается тем, чем хочет.

– Чем тебе не нравится мое предложение? – спросил Макс, стараясь выглядеть спокойным. Или на самом деле таковым себя чувствовал.

Кира никогда не могла его понять и от этого жутко бесилась. Даже расстройство, печаль, недовольство были у него чрезвычайно спокойными и выражались лишь в складочке между бровей. Он умел собою владеть, как никто, и иногда Кира нарочно пыталась довести его до предела – хотела понять, где же дно этого самоконтроля или дело просто в бездушии. Она ни разу не видела его растерянности, смущения либо раздраженности. За все время их знакомства он ни разу ни на кого не повысил голос. Макс был тверд внутри, как титан, хотя на всех производил впечатление мягкого, податливого человека. Кира была единственной, кто понял это и уважал его именно за эту маскулинную стойкость.

– Тем, что твое предложение убивает мою молодость.

Как только она произнесла эту фразу, Макс сразу стало неинтересно. Если бы она говорила простыми бабскими сентенциями типа «потому что мне нужно выгулять новое платье» или «я что, зря маникюр сделала», его бы это устроило, но Кира начинала свой, как он это называл, «высокохудожественный бред», который он предпочитал просто не слушать. Слишком сложно, он даже не стал переспрашивать, что Кира имела в виду. Знал, объяснение будет еще более пространным, облеченным в красивые слова. Много-много слов.

Они не заставили себя долго ждать.

– По-твоему, побыть вдвоем – это срубиться через пятнадцать минут? Я же вижу по глазам, что ты еле сидишь. А я не хочу сидеть рядом и слушать твой храп. Я не люблю спать, вообще я люблю что-нибудь делать. Хотя бы прошвырнуться по городу.

– Почему бы тебе просто не расслабиться?

– Ты пойми, я чуть ли не физически ощущаю, как идет время, как оно уходит. Как много я еще должна сделать, сказать, выучить, прочесть, понять. И пообщаться тоже. Понимаешь?

– Да, – коротко резанул он и больше за вечер не сказал ни слова. И судя по тому, как он быстро ответил, Макс ничего не понял и не захотел понимать.

Через пятнадцать минут он ушел в спальню, чмокнув Киру и тихо пожелав ей спокойной ночи. Она же прихорашивалась у зеркала. Не демонстративно, но все же весьма бурно, и, к своему злорадству, выглядела она сногшибательно: в кожаных шортах, купленных в «Hagrod» под общий рокерский стиль, с красной помадой на губах.

У Киры было много подруг, много друзей. Таких друзей, которых встречаешь раз в год и заново вспоминаешь, как их зовут. Родители обеспечили ей доступ чуть ли не к каждому узлу паутины связей, которыми была опутана Москва. На этот раз она пила в баре с Натальей, называвшей себя фотографом, и Петей, тоже называвшим себя фотографом. Оба фотографа были наименее приятными людьми, спали до трех дня, нюхали так же часто, как чистили зубы, и никто еще не видел их фотографий, хотя стаж у них был уже приличный. Понятно, что Кира им нужна была как проводница в гляцевый мир. Ей это было даже понятнее, чем всем остальным, поэтому она щедро раздавала обещания, но никогда их не выполняла – она быстро осознала правила игры.

Не сказать, что Кире это нравилось – как и всем неглупым и нечерствым людям, ей были больше по душе искренние и теплые дружеские отношения. Но громкая ритмичная музыка, веселье, красивые, ухоженные люди – этот успех по-московски никак не хотел ее отпускать, да она и не стремилась от него уйти. В какой-то степени она была человеком новой формации, универсальным индивидуумом «без лица». Кира быстро мимикрировала под любую компанию и место. У нее хорошо получалась глупенькая куколка, любительница розовых рюшечек, образ «своего парня» в дальних походах в горы, роль профи в разговорах с коллегами, хипстерши и светской львицы. Это не значит, что она была слабой и не могла оставаться собой в любой ситуации. Как какое-нибудь мифическое существо из диснеевской сказки, она меняла оболочки, оставаясь при этом собой. И каждая из ролей ей, в общем-то, нравилась.

Любой из московских прожигателей жизни относил себя к тому или иному поколению. Поколения обозначались по названию самого модного места того времени. Кира была из поколения «Gipsy» – клуба, полностью соответствующего своему названию. Его помещение было не эклектикой, не модным фьюжином, а именно цыганским дворцом. Кажется, над ним поработала гигантская сорока: стащила сюда все, что плохо лежало, отличалось ярким цветом, блестяло и переливалось.

Петя (или, как его за глаза называли, Петик) и Наташа всегда были всем довольны, не ныли по поводу уходящей молодости, в основном молчали или рассказывали одно и то же, поэтому можно было смело не слушать, не бояться пропустить что-то. Если им доставалась пара халявных дорожек, они вообще становились милейшими на свете людьми и даже резко умнели. Кире нечего было им предложить, поэтому Петя с Наташей беспокойно оглядывались по сторонам в поисках знакомых лиц и без опаски спрашивали, есть ли у кого то самое.

Опасаться и вправду было нечего. Такое ощущение, будто в Москве нюхали все и простое «будешь?» воспринималось вполне буднично. Диджей Гром, вечный поклонник Киры, пошлый, неугомонный, нервно-веселый, предложил и ей, но она отказалась. Спокойно стояла у барной стойки, привычно попивая неженский виски с двумя кубиками льда, и не без удовольствия смотрела на все, что происходило вокруг. Нарядные девушки разной степени потасканности, весело и увлеченно щебечущие друг с другом, но не забывающие смотреть по сторонам, веселые компашки, иностранцы, чувствующие себя попавшими в рай. Как это все можно не любить, думала Кира, которая так привыкла защищать перед «правильными» людьми свой образ жизни.

Сколько романов, фильмов и разговоров посвящено лицемерности светского общества, и все они в корне неверны. Сюда, в ночную мглу, испуганную музыкой и прожекторами, люди несут свою красоту, хорошее настроение, игру, флирт и улыбки, оставляя проблемы и жалобы

на потом. Здесь все улыбаются, бывает, и наигранно. Какая разница, можно подумать, на работе или дома мы всегда искренние. Здесь не говорят о политике, бедности, боли. Здесь вообще мало говорят, и это оказывается большим плюсом ночи. Кира, в общем-то, любила слушать людей – и по своему внутреннему устройству, и по долгу профессии. Когда-то она с помощью подруги Ольги вывела собственный вариант формулы счастливых отношений. И главное в этой формуле – поменьше говорить.

Пару лет назад Ольга уехала жить во Францию к своему молодому человеку. Она не говорила по-французски, он не говорил по-русски. И оба еле-еле изъяснялись на английском. Может показаться, что это – огромное препятствие на пути к истинной любви, но на самом деле – единственное спасение. Ольга и Андре никогда не ругались, они просто не могли найти подходящих слов, чтобы сильнее ужалить друг друга. И никогда долго не обижались, потому что не могли объяснить причину своего недовольства. Прежде чем что-то высказать, Ольга тщательно подбирала слова, поэтому они доходили точно в цель. Им оставалось только заниматься любовью, для чего, как известно, знание языка необязательно. Прошло восемь лет, они по-прежнему вместе, это самая крепкая и счастливая пара из всех, кого знает Кира.

Кира стояла недалеко от входной двери и видела, как в клуб вошла знакомая девушка. Красивая до умопомрачения и надменная. Из тех, кто всегда при укладке, даже с утра, кто считает позором ненаманикюренные пальцы и страдает на вечных диетах. Мужчины на словах презирали «эту куклу», а на деле жаждали ее, провожая красноречивыми взглядами. Она шла по узкому проходу между баром и столиками, здороваясь по пути со знакомыми. К тому моменту Кира изрядно выпила, пребывала в игривом настроении и уже минут двадцать откровенно и зло стебалась над датчанином, пришедшим сюда за легкой добычей.

Девушка, которую звали то ли Катей, то ли Машей, продолжала пробираться по тесному проходу и, едва миновав Киру с компанией, вдруг пошатнулась на каблуках и задела плечом стоявшую рядом девицу. Красное вино, как в замедленной съемке, опрокинулось на ее шубу и медленными кровавыми каплями стало стекать вниз.

«Как символично! – во всеобщем переполохе подумала Кира. – Кровь на соболином меху». Сначала ей даже понравилась такая аллегория, но потом она неожиданно напомнила ей давнюю поездку на остров Борнео. Там один из домов в исторической аборигенской деревне был полностью «декорирован» человеческими костями, черепами и скальпами с запекшейся кровью.

– Чем мы лучше убогих аборигенов? – произнесла Кира вслух.

– Sorry?⁷ – подставил ухо датчанин.

– No, no, I'm talking to myself. Just to myself.⁸

– Oh, I see. You should be tired.⁹

– Yeah, I'm sick and tired...¹⁰ – буркнула она и сердито оглянулась по сторонам.

Ей не были свойственны резкие смены настроения, поэтому сейчас она сама удивилась своему поведению. Оправдываться Кира не любила, поэтому резко пошла к выходу, подав знак бармену, чтобы выпивку записали на ее счет. А датчанин, вероятно, сделал очередной вывод об этих «крэйзи рашнс»¹¹.

Кира буквально выдернула свою шубу из рук гардеробщика и вышла на улицу. Такси в «Красном Октябре» ловить негде, поэтому она тихо поплелась в сторону моста, все еще держа шубу в руках. Было холодно.

⁷ – Простите? (англ.)

⁸ – Нет-нет. Я говорю себе. Просто себе. (англ.)

⁹ – О, я вижу. Должно быть, вы устали. (англ.)

¹⁰ – Да. Я утомилась и устала. (англ.)

¹¹ «сумасшедших русских» (англ.).

Ее удивило, что она не слышит своих шагов. «Наверное, сегодня была слишком громкая музыка», – подумала она сначала, но, взглянув под ноги, увидела мягкий, искрящийся, никем не тронутый снег. За те три часа, пока Кира находилась в клубе, все успело измениться. «Похоже, и я успела», – подумала она. Но не это занимало ее сейчас. Кира смотрела на свою шикарную, достойную Голливуда шубу, на шелковую подкладку, переливающуюся от фиолетового к алому, и в ее голове прыгали, сменяя друг друга, страшные картинки. То те самые человеческие черепа – трофеи людоедов, то лица извергов-китайцев, обдирающих шкуры с живых кошек; потом образы стали еще ужаснее: в клетках вместо кошек сидели люди, от животного ужаса пожирающие сами себя – лишь бы умереть раньше, чем за ними придут. «Почему мы осудили и остановили тех, кто кичился людскими скальпами, а восхищаемся теми, кто носит на себе скальпы животных?» Она еще раз взглянула на свою шубу, швырнула ее в сторону и пошла дальше.

Таксист посмотрел на Киру с подозрением и на всякий случай спросил:

– А деньги есть?

– Есть, – успокоила Кира, и они покатали по тихой, как никогда, Москве.

За эти пятнадцать минут дороги Кира успела испытать настоящую боль. Она вообще глубже и острее ощущала боль, чем радость. Кира сидела на заднем сиденье и плакала. Все ее тело, всю кожу покалывало, она буквально пропиталась тем ужасом, который испытывает любое существо – неважно, животное или человек, когда знает, что сейчас придет тот, кто решил за него, что ему будет адски невыносимо, разрывающе больно и что просить о пощаде бесполезно, ведь вокруг тысячи таких же обреченных и никто не заметит отсутствия на этой земле еще одной души.

Да, подобные фатальные образы ей являлись значительно ярче, живее, реальнее. Она чувствовала чужую боль в полном объеме, а вот радость касалась ее лишь вскользь. Боль проникала внутрь как внутривенная инъекция, счастье было для нее только туманом, который быстро рассеивался.

Наутро, как ни странно, Кира встала во вполне хорошем настроении. С ощущением, будто нырнула в прорубь и очистилась. Жутко болело горло, шубу было жалко, даже хотела поехать поискать, но быстро оставила эту мысль. Она сидела в своей светлой кухне в бело-зеленых тонах, смотрела на чистое небо – после вчерашнего снегопада оно было очень высоким – и думала о своей вчерашней выходке. На лбу застыли складочки удивления. Кира взяла телефон, коротко написала в Notes «купить успокоительное» и набрала Женин телефон.

– Ты не представляешь, что я вытворила! – собиралась протараторить она, но вышло тихое, хриплое рычание.

– Я и так знаю, – сказала Женя. – Ты хотела погулять до трех, но пришла в восемь утра, познакомилась с парочкой фриковых мужиков или с принцем на белом коне.

– Хуже.

– Ты пришла в девять?

– Да ладно тебе язвить. Я сама, собственными руками, будучи почти в здравом уме, выкинула свою шубу... Похоже, меня нужно лечить. Не знаю, что на меня нашло.

По возникшей паузе стало понятно, что Женя растерялась.

– Короче, стою в баре, – продолжила Кира, – все отлично, и вдруг вижу, что идет эта... Ну, в общем, одна знакомая в шубе. Я представила себя норкой, которую обдирают живьем, и выбросила свою шубу прямо на улице.

– Ооо!.. – только и смогла выдохнуть Женя.

– А если не короче, то мне было ужасно хреново. Но сейчас все о'кей, пришла в себя.

– Ты много выпила?

– Вообще почти не пила.

– Да ты всегда была повернута на этой теме. Видать, повернутость прогрессирует. Не относись к мелочам так серьезно.

– Иногда мне кажется, что, кроме мелочей, у меня больше ничего нет. К чему же тогда относиться серьезно?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– Слушай, ну от того, что ты лишилась своей шубы, ничего не изменится. Лучше бы мне отдала. Даже если закроется какая-нибудь фабрика, тоже ничего не изменится... Смотри не выкини все остальные свои шубы. И туфли. И то кожаное платье! Особенно кожаное платье!

– Хорошо. Целую, увидимся.

– Пока-пока. Давай выше нос! И в самом деле, без шуток – ничего не изменится. Даже Билл Гейтс с его миллиардами безуспешно бьется с нефтезависимой энергетикой, что уж говорить о таких микробах, как я или ты...

Подобные мысли в разных вариациях всегда кружились в Кириной голове, как снежинки вчерашнего снегопада. Кира вспомнила притчу о мальчике, который выбрасывал назад в море морские звезды, вынесенные волною на берег. И ответ мальчишки на вопрос случайного прохожего: его мир не изменится, но для одной из этих звезд мир изменится навсегда.

Кира понимала всю бессмысленность и глупую демонстративность своего жеста, и ей хотелось сделать что-то по-настоящему значимое. «Надо было хотя бы заснять это и выложить в „Ютуб“», – после двух чашек крепчайшего эспresso в ней опять заговорил человек media, и она села дописывать незаконченную статью.

Писалось легко. Эмоциональный всплеск и статьи делал намного более сочными. В результате к вечеру было готово два варианта: для «Luxury Menu» и для «Business&Co». Она даже позавидовала самой себе, всегда бы так – чтобы четкие, лаконичные и глубокие мысли рождались легко и превратились в ежедневную рутину.

Кира перечитала статьи еще раз. Будь она сторонним читателем, могла бы подумать, что речь идет не о Давиде, а о двух разных людях: один из них – расчетливый инвестор, второй – вымирающего вида романтик-филантроп.

К вечеру позвонила Оксана и похвалила Киру, что делала крайне редко.

Глава III

Главный редактор «Business&Co» Константин Владимирович Чураков сам никому никогда не звонил, но, тем не менее, его почти всегда можно было найти с телефонной трубкой, прижатой плечом к уху. Подчиненные подшучивали над ним, что, если отобрать у него телефон, он все равно останется в этой позе: плечо поднято, голова наклонена вбок. Обе руки беспрерывно стучали по клавишам клавиатуры, рядом лежал еще один телефон – вторая линия. Как только он заканчивал разговор, обе трубки опять начинали нервно трезвонить наипротивнейшими мелодиями, ненавистными для всей огромной редакции журнала. По сравнению с уютным и почти домашним «Luxury Menu», это был гигантский медиамонстр, постоянно требующий молодой журналистской крови. Под управлением Константина Владимировича был еще и журнал «Коммерция» со всеми своими международными франшизами, а еще издательский дом «Noble» и куча мелких проектов-однодневок, поэтому немужественная бледность и сутулость Константина не удивляли: такой груз ответственности не мог не испортить осанку и жизнь в общем. Чураков вообще был похож на японскую нэцкэ – маленький, бледный, пухлый и, кажется, навечно застывший в одной позе на своем рабочем месте. Двигались только его пальцы, бесперебойно стучавшие по клавиатуре, и какие-то болезненно живые глаза, которые никогда не были в расслабленном состоянии и всегда с прищуром – не из-за плохого зрения, а из-за природной хитрости. Похожий прищур раньше рисовали в детских книжках у лис. И за спиной Константина как раз висел такой шарж – с прищуром и в рыжем лисьем костюме. А если Костенька (как называла его Кирина мама) слушал собеседника, его зрачки бегали по произвольной траектории, будто шестеренки, помогающие ему усвоить информацию.

Кира помнила его еще с детства. Он частенько приходил на мамнины «приемы», которые она любила устраивать. Они вместе учились, и Константин в те времена был верным воздыхателем Оксаны. Вероятнее всего, между ними даже что-то было. Чураков был хорош собой, занимался греблей, носил редкие по тем временам кожаное пальто и джинсы, был наглым и амбициозным – этого оказалось достаточно, чтобы прослыть великим сердцееедом. Оксанины приемы продолжаются и сегодня, но Константин перестал на них появляться. По словам Оксаны, прирос к своему стулу и стал слишком унылым. Однако их отношения переросли во взрослую нежную дружбу, которой Оксана иногда пользовалась в своих интересах. Чураков, пожалуй, был единственным российским журналистом, которого знали и уважали за рубежом. Он умел балансировать между властью, деньгами и правдой, не играл в поддавки, но с уважением относился к любому мнению. Сдвинуть его с места было не под силу ни новому владельцу холдинга, ни, тем более, молодым и нахрапистым коллегам.

Кира никогда не пыталась заговорить с ним лично, хотя в детстве часто носилась между гостями, а в подростковом возрасте сидела вместе со всеми за общим столом. Для нее Константин был недостижимой величиной – слишком взрослым тогда и даже сейчас. Рядом с ним Кира чувствовала себя неопытным желторотиком. Когда она отправляла ему свой нынешний опус, все ее восемь лет в журналистике словно испарились, ей казалось, что хуже может написать только деревенский абитуриент, возомнивший себя звездой. Кира даже стала казнить себя за то, что вообще за это взялась. Тем удивительнее для нее был звонок Чуракова, который, вопреки заведенному порядку, позвонил лично.

– Кириша, здравствуй! Это Константин Владимирович.

В глубине души Кира всегда верила, что рано или поздно этот разговор состоится. И поэтому среагировала на уставший голос таким же спокойным и даже нарочито приглушенным тоном.

– Здравствуйте, Константин Владимирович! Очень рада вас слышать.

– Весьма недурной материал, Кира. Но немного занудный и чересчур пафосный. Зачем было нагонять столько жути? Хотя... жуть у нас пользуется особой популярностью. Скажи, пожалуйста, он согласован с Гринбергом? Ты там называешь такие фамилии... я не хочу брать на себя ответственность.

– Нет, Константин Владимирович, согласован только тот, что идет в мамин журнал. Я никогда не писала для политических и деловых изданий, поэтому...

– Ну и что, что не писала. Ты же знаешь, что, если даже про выставку болонок напишешь и не согласишься, можешь стать врагом номер один.

– Я свяжусь с ним. Сколько у меня времени?

– В понедельник дедлайн, не успеешь – через месяц.

– Постараюсь.

– А вообще, я бы разбил материал на два. Один – о глобальных вызовах и последствиях. Другой – про энергетику, финансирование и фонды. Сделаешь грамотно – возьму и в «Business&Co», и в «Commerce».

– В «Commerce»?! – радостно и громко воскликнула Кира.

– В «Commerce». – В голосе Константина слышалась улыбка.

– Спасибо, Константин Владимирович.

– Не за что, детка. Маме – пламенный привет!

– Хорошо. До свидания. Спасибо большое!

Константин Владимирович говорил короткими, четкими фразами. Как заголовками. Кире это нравилось, и ей очень хотелось послушать в обычной домашней обстановке его рассуждения о жизни или любви. Вообще-то, Кира не любила находиться в обществе старших. Ей не хватало энергии, взбалмошности, особенно не нравилось чувствовать себя глупее собеседников. Но Константин с лихвой перекрывал эту неуверенность своей внутренней силой, спокойной, ровной, больше похожей на действие сверхмощного магнита, нежели на яркий свет лампы. Может быть, потому, что Чураков знал ее с раннего детства, ей казалось вполне естественным и нестыдным быть рядом с ним глупым двадцатилетним дитем.

После разговора с Константином Кира колебалась несколько минут: написать или позвонить Гринбергу. Во время интервью она ощущала себя с ним вполне свободно. Он делал свою работу, она – свою. Но сейчас вдруг почувствовала, что, вполне возможно, он все-таки сыграет какую-то роль в ее жизни. Это мимолетное ощущение почему-то заставило ее волноваться и подбирать слова. В итоге за эти пять минут борьбы с собой она так устала, что набрала не лично его, а секретаря, быстро и по-деловому изложив суть дела. Еще через пару часов Кира уже отправляла в Лондон два текста. Всегда бы так: одно интервью – и три материала в трех изданиях. Довольная собой, она захлопнула крышку ноутбука, быстро оделась и вышла из квартиры, скорым шагом направившись в Печатники.

* * *

К Наталье она ездила при любых обстоятельствах и в любом настроении. Даже смеялась, мол, в метель и в жару, в печали и в радости – почти как в браке. Отличие в том, что в браке – это лишь обещание, а еженедельное чаепитие у Натальи Алексеевны – ритуал, который мог быть нарушен только очень серьезным форс-мажором. Кира называла ее скромную однушку на окраине Москвы «мое убежище». Наталья Алексеевна, пожилая дама лет шестидесяти, раньше обучала Киру итальянскому языку. Когда программа была освоена, они договорились встречаться раз в неделю для поддержания языкового уровня, и постепенно барьер, разделявший ученицу и преподавателя, исчез. Ей начала открываться интереснейшая натура Натальи и судьба, достойная описания в нескольких книгах. Поэтому Кира, пришедшая сюда говорить и отрабатывать навыки общения на итальянском, часто, наоборот, два часа слушала

собеседницу – с упоением, изумлением, а иногда даже с завистью, ведь ее жизнь была куда менее насыщенной, в ней не было пульса непредсказуемости. Да, она много путешествовала, часто веселилась, кутила с друзьями, заводила романы. Но ей всегда казалось, будто это лишь суррогат того, что переживают артисты, проводящие жизнь в гастролях, – люди-кочевники, пропитанные духом свободы.

Когда-то и Наталья Алексеевна была именно такой. Ее сущность, похоже, пришла к нам из прошлого, слишком далекого, чтобы ей было комфортно в сегодняшнем мире. Она вполне могла быть номадом, бороздившим Великий Шелковый путь, Васко да Гамой или Колумбом, Жанной д'Арк или Галилеем. Наталья была слишком принципиальной, слишком честной – до занудства, и благородной, как бы архаично ни звучало это слово. Она так остро переносила чужие несовершенства, что страдала от этого физически: столкновение с любой несправедливостью или враньем отнимало у нее сон и выбивало из привычного образа жизни.

Как жаль, что эта редкая натура сейчас была заключена в больном, разрушающемся теле. Наталья была танцовщицей, объехала со своей группой полсвета, долго жила в Италии, где начала преподавать хореографию детям. Она слишком выкладывалась, и теперь тело мстило ей за нечеловеческие нагрузки.

С годами Наталья стала грузной, все ее тело стремилось к полу, будто стекая со стула. К тому же она сильно хромала – ее тазобедренный сустав был практически разрушен, а тяжелые операции и стальные импланты не принесли должного облегчения. Старые фотографии, запечатлевшие ее на сцене – в прыжках, пируэтах, в поддержке партнера, были расставлены по всей квартире. А шкаф ломился от сценических костюмов, с которыми Наталье не хватало сил расстаться. Личная жизнь не сложилась, но это не привнесло, как частенько бывает, озлобленности в ее характер. Она воспринимала свое нынешнее положение философски спокойно. Ей настолько хватило приключений и забот в прошлом, что теперь, по ее признанию, она просто отдыхала и наслаждалась одиночеством. Это не совсем так, предполагала Кира. Однажды она все же спросила, не жалеет ли Наталья Алексеевна, что у нее нет семьи, детей. «Конечно, жалею», – ответила та, но и этот ответ прозвучал как-то нейтрально, без надрыва, словно Наталья смотрела на свою жизнь со стороны, без оценок и эмоций.

От Италии ей остался единственный дар – энергичный, певучий язык, который она теперь преподавала желающим.

– Бонджорно,¹² Наталья Алексеевна!

– Бонджорно. Come va? Caffee?¹³

– Sì, volentieri.¹⁴

Этот неизменный диалог-вступление стал своеобразным ритуалом. Кира была единственной ученицей, достигшей практически свободного владения языком, и потому Наталья воспринимала ее почти как равную, гордилась ею, к тому же девушка ей искренне нравилась. Наталья потешалась над ее вечной манерой всюду спешить. Ни разу за шесть лет их знакомства Кира не воспользовалась лифтом – всегда взлетала наверх по лестнице. Так ей казалось быстрее. На ходу снимала верхнюю одежду, хватала свой неизменный кофе. Наталья видела в этой энергии отражение своей молодости, у Киры же, как только она входила и за ней закрывалась дверь, все заботы, напряжение, непрерывный бег мыслей оставались там, за дверью, и начиналось волшебство общения – такого всеобъемлющего, поглощавшего обеих с головой. Каждый раз их диалог рождал новую маленькую истину, неожиданный поворот темы или даже открытие. Слова и остроты текли непрерывным потоком. Ни с кем Кира не чувствовала себя в разговоре так легко, как с Натальей. Она искренне любила свою собеседницу, которая стала

¹² – Добрый день (*итал.*).

¹³ – Добрый день. Как дела? Кофе? (*итал.*)

¹⁴ – Да, охотно. (*итал.*)

для нее второй семьей. Кира и с матерью была очень близка, но Наталья Алексеевна доступна всегда, а Оксана слишком светская, чтобы чувствовать малейшие изменения ее настроения. Кроме того, Кира говорила на итальянском с таким удовольствием, будто само произношение вслух этих рококошущих слов заряжало ее, как глоток эспрессо. Вдвоем они выдвинули гипотезу, что у каждого языка, помимо звучания, есть и собственная энергетика: итальянский звучал солнечно даже в самый промозглый ноябрьский день и наделял говорящего дополнительной силой. Порадовавшись этому нехитрому выводу, они продолжали свое щебетание, и Кира завела речь о своих рабочих успехах и ночной выходке.

– Это на вас совсем не похоже, – сказала Наталья Алексеевна – она ко всем без исключения обращалась на «вы».

– Да, я знаю. Все, кому я рассказала, удивляются. Знаете, это проклятое интервью меня не только напугало и ввергло в какой-то ужасный фатализм. Оно еще и разозлило по-настоящему. Хотя, вы же знаете, чтобы меня разозлить, нужно очень постараться.

– Что он такого сказал, этот твой Давид?

– Да я просто никак понять не могу... Ведь человек – это же хомо, блин, сапиенс. И этот самый сапиенс достиг такого невиданного прогресса! Человек как явление природы велик и потрясает своим развитием, своими изобретениями. Все, что нас окружает, создано уникальным мозгом. Человеческим мозгом! Мы так до многого додумались, создали столько шедевральных произведений искусства, психологи проникли в тайну личности, даже вывели формулу счастья. И как мы, такие все из себя умные, не можем понять, что засрали планету и с этим надо срочно что-то делать, иначе все эти шедевры и андронные коллаидеры никому на фиг не нужны будут!!!

– Да понять-то все понимают. Видимо, дело в том, что сиюминутное оказывается важнее глобального.

– Но как же, подождите! А полет человека в космос? Или на Марс, который состоится в 2025 году? Разве это сиюминутное?

– Тогда это вопрос расстановки приоритетов.

– Вот именно!!! – При Наталье Кира позволяла себе быть эмоциональной и даже жестикулировала по-итальянски. – На тот же дурацкий коллаидер затратили безобразно огромную сумму, но даже это, мне кажется, не столь актуально, как, скажем, изменение климата, исчезновение лесов или загрязнение воды, горы пластика повсюду... И все об этом знают, да, но закрывают глаза. Почему? Это же все равно что знать о своей серьезной болезни, которая может привести к летальному исходу, но заниматься не лечением, а прической и маникюром. Черти что!

– Ну вот и расскажите всем об этом.

– Ох, Наталья Алексеевна, рассказываю. И до меня сколько таких же озадаченных людей рассказывало. Давид пытается трубить об этом на каждом углу, выступает на всех конференциях. Но серьезная пресса, как правило, не принимает подобные статьи. Слишком, считают, скучно. Люди с бóльшим интересом прочтут о падении курса доллара или о новом фильме, нежели нудятину об изменении климата... Да, кстати, вся пресса строится на новостях, а наше пахабное отношение к планете и друг к другу – это не новость, а вялотекущий процесс. Что о нем говорить-то – ничего нового! Подумаешь, еще пара сантиметров ледников на Северном полюсе безвозвратно исчезли, что с того? Неинтересно это, и basta!

Повисла пауза. На минуту обе ушли в свои размышления.

– Ну а если вы говорите, что сделать ничего нельзя, какой вообще смысл говорить об этом? – нарушила молчание Наталья Алексеевна. – Может, просто готовиться к чему-то такому?

– Боюсь, люди слишком недалновидны даже для того, чтобы готовиться. А тех, кто начнет готовиться, назовут параноиками.

Кира опять замолчала.

– Вот думаю, что можно сделать... Еще не поздно все повернуть вспять. И, знаете, кто это может? Не мы. Богачи. Сверхбогатые люди. Те, кто негласно правит миром. Те же нефтяники...

Кира прикидывала, как бы лучше сформулировать свою мысль и шарила глазами по комнате. Слово «богатство» звучало в этой скромной обстановке как издевка. Минимум дешевой мебели, старый дисковый телефон, шкаф с видеокассетами, видеомагнитофон к ним и телевизор «пузатик». Ей стало неудобно развивать тему дальше, как будто ее небольшое сближение с кастой состоятельных людей ставило на ней клеймо непригодности к нормальной жизни. Хотя, казалось, Наталью Алексеевну это вообще не волновало, для нее важнее было добыть раритетную видеокассету.

– Разве нефтяники способны поддержать отказ от нефти?

– Не способны, конечно, – согласилась Кира. – Глупость это все. Однако... Знаете, когда я впервые попала в Дубай, лет семь назад, я была восхищена. Наконец-то увидела общество, приближенное к идеалу. Они заработали баснословные, немыслимые для нас деньги на нефти, но, действуя на опережение, построили такую экономику, что доходы от туризма и финансового сектора теперь превышают доходы от нефти. Арабы живут в комфорте и роскоши. А как строят! Когда они насыпали свои искусственные острова, тут же насаждали колонии кораллов и разводили рыбу, и вода оставалась прозрачной, несмотря на стройку.

– Ну вот. А ты говоришь... Есть же с кого брать пример. Если они смогли...

– Подождите, я еще самое главное не сказала. Мало того, они еще строят Масдар, так называемый «город будущего» с нулевыми отходами и выбросами. Об этом трубил весь мир, вся пресса, в том числе и я. Писала и восхищалась, надеялась, даже нашла в этом какое-то успокоение. Но недавно узнала официальную статистику: Эмираты по уровню негативного воздействия на экобаланс в мире чуть ли не на первом месте! Масдар и пара сотен выпущенных в море рыбок – это полная фигня по сравнению с загрязнением воды и воздуха, миллионами тонн мусора. И мне так гадливо и стыдно за свой восторг, за свои сопли умиления, за свою оду Масдару в журнале.

«А самое ужасное, что, если потребуется, я напишу еще», – подумала вдогонку своим словам Кира, но озвучивать это не стала.

– Мне теперь кажется, что за каждым благим делом стоит какое-то завуалированное зло. Я становлюсь параноиком.

– Нет, Кирочка, просто вы слишком порядочная и вдумчивая.

– Возможно. Мне тоже нравится так думать. Я в растерянности и противоречу сама себе. Надеюсь на разум сильных мира сего, и сама же привожу пример того, что и их благие намерения всего лишь фикция.

– Ох... Ладно, давайте свое последнее слово, и закроем эту тему.

Кира и Наталья Алексеевна в очередной раз опомнились, что почти вся их нынешняя встреча прошла за болтовней.

– Мое последнее слово таково: что делать, я не знаю.

Они еще выучили пару новых фраз на итальянском и немного поупражнялись. Наталья Алексеевна спросила было про отношения с Максимом, но Кира коротко отрезала, что это не такая уж интересная тема.

– А может, наоборот – настолько интересная, что страшно даже начинать?

– Вы, как всегда, правы, Наталья Алексеевна, – улыбнулась Кира и, договорившись прийти в следующий вторник, помчалась на ужин с подружками.

* * *

К ее приезду Женя с Мариной уже выпили по бокалу просекко и в унисон ржали над какой-то глупостью. Кире так захотелось поймать эту их легкость, что она осушила свой бокал

залпом и сразу же растеклась на деревянном стуле, словно на кушетке психоаналитика, – ей стало хорошо и спокойно. А через пару минут – шкодливо.

Место, где они регулярно встречались, было знаковым как для них самих, так и для всей Москвы в целом. «Пропаганда» – маленькое невзрачное кафе в небольшом переулке – была единственным исключением в круговороте вечно открывающихся и закрывающихся заведений и существовала уже пятнадцать лет. Тут по-прежнему было много народу, очередь на столики, а по ночам – толпа у входа. Кира знала хозяев этого московского чуда и знала, что модное слово «концепция» или, вернее, «уникальная концепция» – это история не про них. Они вообще никак не выстраивали свою концепцию. Просто подобрали хорошую музыку на свой вкус – душевную, незамысловатую, предложили вкусную еду и недорогой алкоголь. И никакой оглядки на конкурентов.

Здесь она впервые напилась допьяна, встретила Макса и еще пару парней до него, имена которых уже и не помнит. Здесь она часто обедала. И это единственное место в Москве, которое Кира любила, как любит свой дом. Все самые постыдные и приятные безумства молодости случились здесь.

Заказав семгу «по-пропагандски», она наконец окончательно подключилась к настроению подруг.

– Отлично выглядишь, – сказала Женья, подзывая официанта и жестом показывая, что игристое в бокалах закончилось.

– Спасибо, моя хорошая. Я недавно прочитала, что внешность напрямую зависит от работы мозга, а не от питания и образа жизни, как мы привыкли думать. Именно от того, какие сигналы телу, коже посылает наш мозг. Логично же?

Девушки в унисон кивнули.

– А поскольку мой мозг работает двадцать четыре часа в сутки, – продолжила Кира, – и иногда достает меня своим непрерывным занудством, уродство мне явно не грозит. И по вашим облагороженным интеллектом лицам видно, что прекрасными принцессками мы будем вечно!

К концу вечера девушки окончательно сконцентрировались на теме ниже пояса и бурно хохотали, углубляясь в нее, а затем как-то резко свернули в политику. Через полчаса усердного обсуждения ситуации в Египте Кира наконец сказала:

– Боже, кто бы нас послушал! Сидят три роскошные красотки и, наклюкавшись шампунка, обсуждают политику. Нам что, не о чем больше поговорить?

– Да-а-а, что-то здесь не то, – протянула Женья. – Мы слишком глупы, чтобы разговаривать о политике, и слишком умны, чтобы разговаривать о шмотках.

– Осталось о работе, но это уж совсем не к месту, – поддержала Марина – Только ты, Кирюш, можешь говорить о работе интересно.

– Это почему еще?

– Потому что она у тебя нерутинная.

– Зато очень бьющая по нервам.

– Ой, да ладно, сидишь себе дома, пишешь, когда хочешь. Офис – факультативен. В перерыве можно сбегать в спа или на фитнес... Что я, не знаю, что ли, как расслабленно ты живешь?

– Да, так и есть. – Кире почему-то стало неловко. – Но вот недавно у меня было интервью с Давидом Гринбергом. Я вам рассказывала, как его ждала и радовалась. А теперь уже неделю хожу словно в воду опущенная.

– Почему?

– Потому что он рассказал больше, чем мне лично следовало бы знать.

– Например?

– Представь себе человека, который изучил все существующие в мире альтернативные источники энергии, допросил с пристрастием все светлые умы человечества, поговорил

со всеми серыми кардиналами мира и сделал вывод, что нас ничего хорошего не ждет, ни одного позитивного сценария, – это, если вкратце.

– Ой, таких фаталистов пруд пруди.

– Да, но он сам ничего не выдумывает. Просто рыщет по миру в надежде что-то найти.

– А зачем ему это? Хочет срубить еще больше бабла?

– И это тоже, но разве плохо, если человек срубил бабла на чем-то полезном для людей, а не просто лишь бы заработать, не думая о будущем, как делает большинство.

– Кирюш, это пахивает пиаром, – как бы оправдываясь за противоположную точку зрения, сказала Женя.

– Почему, когда один человек из многих миллионов начинает хоть что-то делать, он обязательно будет заклемен? Я знаю, такова сущность человеческая – во всем хорошем видеть подвох, но вы-то вроде не просто биороботы, вы же умные, равнодушные... – Кира начинала накаляться.

– Оу, что ж ты близко к сердцу все воспринимаешь. Ну, если даже он и тащит на себе непосильный груз благих дел, тебе-то что?

– Мне? Мне страшновато. Знаете, мои родители родом из Алма-Аты – из города яблок. Помню, мама мне рассказывала, как возвращалась домой из командировок... Если поездка выпадала на весну, то, спускаясь по трапу, она чувствовала запах яблоневого цвета. Весь город благоухал. А осенью уже прям-пряма на взлетно-посадочной полосе пахло спелыми яблоками. Серьезно! Так и было!.. И вот прошло каких-то тридцать лет. Прилетаю я на свою историческую родину, выхожу из аэропорта, и мне в нос бьет запах гари. Заселяюсь в гостиницу, открываю окно – еще хуже. Такое ощущение, что к носу приставили паровозную трубу. Вы можете представить себе воздух, который видно?! Он мерзкого серого цвета. Потом я взяла такси, поехала на Медеу – это такое урочище в горах – и увидела сверху, что небо разделено, будто линейкой, на две части. Вверху классическое небо над городом – голубое, а внизу – эта серая мерзость. И сквозь нее ничего не видно, даже очертаний домов. И это не временное явление, не уникальное – то же самое в Дели, Шанхае... В таких городах люди мрут от рака, как мухи. Я еще миллион таких фактов могу привести, например, что в Индии уже реально очень остро ощущается дефицит пресной воды. Просто сейчас я говорю о том, что сама лично видела. Мне кажется, человек, однажды глубоко копнув эту проблему, уже никогда не сможет спокойно жить, – заключила Кира. – Вот и во мне этот червяк беспокойства поселился.

По лицам Жени и Марины она поняла, что девушки не сильно впечатлились ее рассказом. Не то чтобы им было скучно, нет, они слушали с интересом. Но все это по-прежнему слишком далеко для них. Все равно что беспокоиться о вспышках на Солнце.

– Вот вы почему-то возмущаетесь по поводу Сирии, Египта, американцев хаеете... А это же все сиюминутное и второстепенно по сравнению с тем, о чем я говорю! – прозвучал ее последний аргумент. Легкость куда-то улетучилась. Кира сжалась как пружина, это было заметно даже невооруженным взглядом. На ее широких скулах ходили желваки, и все лицо как-то заострилось, хотя она и продолжала улыбаться. По привычке, наверное.

– Кирюш, да кто спорит. Мы не о глобальных потеплениях говорим, а о конкретном человеке, который слишком хорош, чтобы быть правдой. Извини, но я не верю, что никто ничего не может придумать. И если какой-то спасительной технологии нет, значит, ее появление невыгодно.

Кире захотелось завершить этот разговор и вообще забыть о нем. В нем не прозвучало ничего особенно неприятного, и ей самой было странно от своих чувств – хотелось броситься на защиту совершенно незнакомого ей человека даже ценой ссоры с ближайшими подругами.

– Не настолько уж он хорош, по крайней мере, внешне. Да и зануда наверняка. Если уж он настолько въедлив в работе, то, скорее всего, будет взвешивать до грамма ингредиенты, из которых ты будешь варить ему борщ.

- А я не буду варить ему борщ.
- И я не буду.
- И я.

На том и сошлись.

Закончив с ужином и шампанским, девушки совсем разомлели и погрузились в вечный гул «Пропаганды». Диджей Мак уже орудовал за своим пультом. Чем позднее становилось, тем громче играла музыка. Но даже она не заглушала ровный гул голосов с частыми всполохами смеха. «Пропаганда» засасывала даже тех, кто забежал сюда ненадолго – перекусить. Кира тоже хотела просто поужинать с подругами, но всеобщее, постепенно нарастающее радостное возбуждение захватило ее и уходить не хотелось, однако, Макс уже заехал за ней и ждал в машине. Она быстро настрочила ему в «ватсапе» предложение «тряхнуть стариной», на что получила ответ: «Моя „старина“ трястись не хочет, потому что очень устала. Поехали домой». Распрощавшись с подругами, Кира пошла к машине.

Опять шел снег – редкий, большими хлопьями. Они падали плавно, как в замедленной съемке, и оседали на свежих прическах девиц, уже толпившихся у входа с недовольными, сморщенными лицами. Все старались быстрее прорваться внутрь, чтобы спасти с таким трудом закрученные кудри. А снег вокруг был слишком живописным, даже каким-то постановочным. Кире вдруг вспомнилась фраза: «Кто-то чувствует дождь, а кто-то просто мокнет», – и ей захотелось прогуляться. Издалека было видно, что Максим дремал, откинув голову на спинку сиденья. «Наверное, и вправду устал», – подумала Кира. Ей никогда не знакома была такая усталость – когда работаешь на износ и больше ничего не хочется, кроме как спать.

– Хотела предложить тебе прогуляться, – она старалась говорить как можно более мягко и приветливо, – но вижу, ты устал... На улице так красиво!

– Давай, – неожиданно согласился он.

Они вышли из машины и побрели по Маросейке, свернули на Бульварное. В центре Москвы атмосфера была как за городом, и невозможно было поверить, что скоро весна.

Кира шла и пинала снег, стараясь создать как можно большее снежное облачко.

Максим молчал, смотрел на это, улыбался.

– Когда ты вот так ребячишься, мне особенно сильно хочется от тебя детей.

– Особенно сильно?

– Ну да. Иногда хочется сделать ребенка, даже не ставя тебя в известность.

– Только не вздумай! – вскинула она брови.

– Да ладно, я же знаю, что с тобой лучше не связываться.

– Если тебе так уж сильно захотелось ребенка именно сейчас, то в снежки ты можешь поиграть со мной. Я только «за». Не думаю, что он нужен тебе для чего-то еще. Наверяд ли ты мечтаешь хронически недосыпать и возиться с его какашками.

– Почему бы и нет...

– Потому что тебе не хватает времени на потенциальную мать этого ребенка, а уж на двоих и подавно.

– Слушай, любая нормальная женщина хотя бы восприняла это как комплимент – мужик хочет от нее ребенка. А ты тут же выискала проблему.

– Потому что мы уже говорили на эту тему и я тебе сказала, что детей рожать я боюсь. А ты опять начинаешь.

– Что бояться-то, другие же рожают.

– Другие рожают, не думая о том, что их ребенок, возможно, никогда не сможет вырасти и нарожать им внуков. Он умрет от засухи, наводнения или в вооруженном конфликте за последние плодородные территории. Я не хочу смотреть, как мой ребенок выживает, а не наслаждается жизнью.

– Тебе лечиться надо, – сказал Макс со всей злостью, на какую был способен.

Для Киры его тон стал настоящим сюрпризом.

– Ты, оказывается, и так умеешь разговаривать?! Сколько меня еще сюрпризов ждет...

– Не много, если будешь продолжать в том же духе.

– В каком еще духе?! – возмутилась она. – Я не хочу рожать детей в той обстановке и в тех условиях, в каких находится мир, потому что интересуюсь его реальной картиной, а не просто живу жизнью офисного планктона. Я хочу детей теоретически, но... И вообще, почему я перед тобой оправдываюсь? – и добавила уже тихо: – Не хочу ссориться.

Макс ничего не ответил, просто молчал. Как и все мужчины, в конфликтах он был немногословен.

Несмотря на общительность, на самом деле у Киры не было большого опыта отношений с мужчинами. Вернее, не было опыта долгого и глубокого, проникновенного общения. В какой-то степени каждый из нас является для другого чем-то вроде опытного образца. На Максе отрабатывались самые изощренные приемы. Кира сама не могла объяснить себе, зачем она его испытывает, иногда очень неосторожно пробуя, где же предел у этого человека. Предел ревности, усталости, покорности. В то же время она была по-настоящему заботлива и ласкова и в некоторые моменты податлива. Эта двойственность заставляла Макса чувствовать себя потерянным и делала его абсолютно зависимым.

Кира попыталась резко сменить тему разговора, тихо пробубнила пару новостей, услышанных сегодня за ужином. Максим молчал, потом, как бы опомнившись, тоже рассказал рабочую сплетню. Кире хотелось развернуться и уйти, поймать попутку и уехать куда угодно, только не домой с ним. Заставить его поволноваться. Но было холодно и лень. Тем более, Макс уже столько раз присутствовал на подобных спектаклях, что должного эффекта они не производили, а ничего нового не придумывалось.

Назад к машине они шли очень быстрым шагом и, конечно же, не потому, что замерзли. Когда тронулись с места, Кира предложила Максиму проехать круг по Садовому. Она часто просто каталась, чтобы успокоиться.

– Зачем?

А ведь не объяснишь, зачем. Вернее, Кира могла бы объяснить кому угодно, только не ему. Странно, что ее понимали все, кроме человека, который по определению должен бы понимать ее лучше кого бы то ни было. Как, оказывается, хорошо, когда у тебя есть не пресловутая каменная стена, а напарник, соратник, с кем ты движешься широкими шагами по жизни. Когда вы вдвоем противостоите миру. У Киры же в напарниках был весь мир, с которым она вместе, хоть и мягко, хоть и любя, но противостояла Максиму.

«Но ведь раньше-то вместе отлично шагало, – вспоминала Кира по дороге, – вместе мечталось. Мы могли по три часа болтать по телефону перед сном. И всякая мелочь казалась такой важной, ее сразу же надо было обсудить с ним. А теперь и пары слов не выдавишь».

Раньше – теперь. К тому, что было раньше, обращалась только она. Для Макса не существовало прошлого. А для Киры оно стало единственной отдушиной. Разминулись во времени.

Она знала, что это вредно и бесперспективно. Но как не возвращаться назад вновь и вновь, если прошлое было так сладко, если он был таким красивым, благородным, так смотрел на нее. А сейчас этого взгляда нет. «Ну вот, опять я начинаю...» Кира понимала, что он не сказал ничего, что могло бы ее обидеть, но какая-то генетически заложенная вредность не давала ей покоя и раздувала внутри пожар обиды, который пожирал все на своем пути без разбора. И вот она уже глотает слезы, вспомнив все его реальные и вымышленные грехи.

– Кира! – громко и неожиданно сказал Макс. Оказывается, она не заметила, как он припарковался и заглушил мотор. – Что с тобой?

– Да нет, ничего. Просто задумалась, – улыбнулась Кира, надеясь, что получилось не слишком натужно.

– О чем?

– Если я начну говорить, то опять получится длинный монолог со слезами в конце. Ты опять переждешь, пока закончится буря, несколько раз в темноте услышишь мой отказ, но все равно возбудишь меня пальцами. Будет хорошо, а потом где-то в час дня – я уже точно знаю во сколько, потому что это всегда так, – позвонишь и приподнятым голосом спросишь, все ли в порядке. Я скажу, что да. И все будет по-прежнему. Через какое-то время очередной монолог, секс и звонок по расписанию. Прямо традиция, – Кира не могла сдержаться от язвительного тона, – или рефлекс, как у собаки Павлова. Поэтому просто отвечаю на твой вопрос: ни о чем особо я не думаю. Хочу быстрее вернуться домой. Текст нужно закончить. – Язвительность сменилась холодной агрессией.

Они молча поплелись к дому.

Ноутбук уже начал разряжаться, когда она решилась на первую строчку. Работа не шла, впрочем, как и всегда. Зато на «Фейсбук», новости, девчачьи сплетни и «скайп» силы и время находились в любой момент. Кира пересмотрела все вышеперечисленное, а ресурсов на мозговую деятельность у нее уже не осталось. В таких случаях она всегда шла пить чай.

Глава IV

Кира всегда извинялась первой, что бы ни случилось. Долго она не могла переносить напряжение, которое, казалось, вот-вот заискрится в воздухе. Макс привык и к этому, поэтому не предпринимал никаких попыток уладить ситуацию. Вернее, он считал, что улаживать ничего не надо, он никогда не вставал утром с тем же гадким ощущением, что и засыпал. Он полностью обновлялся за ночь, как будто даже обнулял память и чувства, и почти всегда после ссоры просыпался как ни в чем не бывало.

Кире же нужно было сказать хотя бы пару слов, хоть чуть-чуть пожуричь его, обязательно обняться со вздохом. Она «обнулялась» именно так. В это утро и он, и она вспомнили каждый свой ритуал «обнуления» и с небольшим осадком или накипью в душе разбежались по служебным местам. По всем правилам, вечером предстоял секс. Он был, но не такой яркий, как обычно после ссоры. Кира это почувствовала очень явно, но распалая только что утихшие страсти не стала.

Через два дня позвонила секретарь Гринберга и сказала, что ее босс скоро будет в Москве и хотел бы встретиться с Кирой лично. Кира слушала ее и пыталась понять, как можно говорить и надменно, и приветливо одновременно. За этими размышлениями стали проявляться нарастающий восторг и волнение.

– То есть не просто журналы ему передать, а встретиться с ним?

– Да, он попросил договориться о личной встрече.

Следующие две недели не были какими-то особенными, но внутреннее беспокойство, которое, впрочем, никогда полностью не покидало Киру, усиливалось. Она несколько раз перечитала все тексты интервью с Гринбергом, опять погрузилась в «Гугл», просмотрев десятки его фотографий и биографий. Но он не стал для нее более понятным. Наоборот, Кира начала благоговеть перед ним, как бандерлог перед удавом, хотя отдавала себе отчет, что, по сути, в нем нет ничего особенного. Да, удачливый бизнесмен, который отличается разве что своими намерениями. Однако его энергия оказывала на нее магнетический эффект.

В остальном она продолжала жить своей обычной жизнью, а где-то там далеко, на горизонте ее сознания, сияло вечное страдание, как закат, мягко и тревожно освещая все остальное бытие. Страдание от того, что она постоянно чувствовала себя не на своем месте. Что вообще все в этом мире не на своем месте. Ей снились сны, где она предстает всемогущим зеленым светящимся монстром – добрым и страшным. Он топчет атомные электростанции, рывком отправляет себе в рот и пережевывает свалки, выпивает отравленные реки, вдыхает зловонные городские выхлопы. Потом, как в древнегреческом мифе, зеленый великан наступает пяткой на что-то острое и, словно воздушный шарик, сдувается в муках, извергая коктейль из переваренного мусора. Чудище начинало плакать, но на самом деле плакала сама Кира, просыпаясь от собственных реальных всхлипов и слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.